

1.

Отец вернулся в районе полуночи и был мрачнее тучи. Прошлой ночью кто-то свел наш табун, до смерти напугав мальчишку-пастуха. Его нашли на берегу речки уже холодным. В широко распахнутых остекленевших глазах навеки застыл ужас. Мужчины отправились на поиски лошадей, следы которых терялись на границе Дикой Топи. Всем, кто остался в деревне, настрого запретили покидать пределы поселения, потому как не ясно было человек или нелюдь совершил злодеяние.

Младшие дети уже спали, а мы с матушкой коротали время ожидания за прядением. Золотистый свет масляных фитилей плясал на беленых речной известью стенах и потолке, давая возможность продолжать нехитрое занятие, несмотря на поздний час, и он же отбросил глубокие тени на лицо вошедшего отца, сделав его поистине пугающим.

— Нашли? — матушка отложила пряжу и пристально всматривалась в лицо мужа, пытаясь прочесть то, о чем он не скажет вслух.

Он лишь вздохнул и, тяжело ступая, будто плащ на плечах стал непомерной ношей, прошел к столу.

— Собери отцу поесть, — коротко бросила мне матушка.

Я вышла в кухню, но дверь не притворила, вся обратившись в слух. Голос матушки шелестел что-то успокаивающее, но слов разобрать я не могла, а вот отцовский — низкий и хриплый — хоть и обрывками, все же долетал до моих ушей.

— ... Следы на берегу, вроде лошадиные, да не совсем... на мальчишку сзади набросился, сердце и оборвалось... Лошади в болота ушли, несколько голов в трясине сгинули, остальных удалось поймать... — тут его голос предательски дрогнул, я замерла, понимая, что произошло нечто непоправимое. — ... Бурун за кобыл с тварью речной сцепился, кельпи его и задрал — горло в ключья изорвано... — отцовский голос вдруг сел, и я услышала сдавленные всхлипы. Это было и впрямь плохо. Красавец Бурун отличался не только редкой в наших землях игреневой мастью, но был вынослив и быстр, неоднократно принося отцу победу на ежегодных скачках, что устраивали в честь окончания сбора урожая. Соседи-коневоды щедро платили за покрытых им кобыл, жеребята рождались крепкие и резвые. Отец души не чаял в своем любимце, холил коня как родное чадо. До следующих скачек два месяца осталось. Конечно, в нашем табуне были и другие кони — сильные, легконогие, но сравниться с Буруном не один не мог.

— Лана! — строгий оклик матушки прервал мои размышления. Подхватив нагруженный поднос, я выскользнула из кухни и стала быстро накрывать на стол.

2.

— Деда, деда! Ну, расскажи, расскажи про кельпи! — канючила малышня, сбившись стайкой вокруг седого, как лунь, дряхлого бобыля. Семьи своей он не имел, но нрав был добрейший. Ребятня обожала его рассказы о неведомых диковинах и всегда крутилась рядом, требуя все новых сказок. Все звали его дедом. Дни напролет дед пас гусей, сидя на берегу речки, да приглядывал за детьми. Вот и сейчас он грелся на солнышке, дымя трубкой и хитро щурясь полуслепыми глазами на приплясывающих от любопытства малышей.

Я расположилась неподалеку, только закончив полоскать белье и сложив его в большую

плетеную корзину. Руки гудели, спину ломило. Откинувшись в траву, я отдохала и слушала разносившийся над водой гусиный гогот и надтреснутый голос деда.

— Кельпи-то? — собираясь с мыслями, спрашивал сам себя дед. — Мда, лютая тварь речной жеребец, ох, лютый!... И хитрый. Увидите коня, по берегу бродящего, подходить не вздумайте. Кельпи дитя враз утащить может, а ухватит, так и сожрет, одни потроха оставит. — Ребятня притихла, внимая каждому слову, а дед, будто не видя их, продолжал рассказ: — По ночам речной конь из воды выходит — сманивает кобыл, путников стережет доверчивых. Статью, да игривостью завлекает, а потом и спину подставит — садись, мол, не бойся. Только сядет раззыва на спину кельпи, так и приkleится намертво, а кельпи того и надо — тотчас в реку с седоком кидается, да и топит.

— Деда, а кельпи быстро скачет? — спрашивает дрожащий голосок. — Смог бы он Буруна обогнать?

— А то! — дед глубоко затянулся дымом, выдохнул и продолжил. — Кельпи мчится быстрее ветра, что по земле, что по глади водной — нет ему разницы.

— Вот бы его поймать! — возбужденно загалдела детвора. — Он бы тогда всех обогнал, даже лошадей, что у княжеских гонцов. Мы бы тогда снова победили в скачках!

Скачки... Победителя ждут почет и щедрая награда из рук князя, но только Бурун мог тягаться с почтовыми лошадьми из княжеских конюшен.

— Где уж вам его ловить, не доросли еще, — скрипуче смеялся дед. — А и дорастете, не справитесь. Не подчинится кельпи простому смертному, без узды волшебной его не укротить.

— А где же взять уздечку, деда? Расскажи-скажи-скажи!

— Уздечку-то? — голос старика вдруг налился силой, так, что я отчетливо слышала каждое слово: — На другом краю болот, там, где Топь Дикая к подножью горы примыкает, стоит хижина. В хижине той живет кузнец, и лишь ему под силу выковать узду для жеребца речного. Да вот только он работу для абы кого не делает, лишь тому, кто сможет цену названную уплатить...

— И какова же цена? — спросила я, приподнявшись на локте и взглянув в мутные глаза деда под кустистыми бровями. — Неужто, человек с человеком не договорится! А мы бы смогли изловить тогда...

— А с чего ты взяла, что он человек? — насмешливо оборвал дед, не мигая вперившись мне в глаза. — Кузнец тот из темных эльфов будет. Силой наделен древней, что способна в любую вещь душу вложить. Нет ему равных в искусстве ковки, а что до цены, так он каждому просителю свою называет. И сторговаться с ним еще никто не смог.

— Все равно, — меня вдруг охватило жуткое волнение. Если есть возможность обуздить этого кельпи, нужно попытаться. Золото победителя смогло бы если не притупить горечь отца, то хотя бы покрыло расходы на приобретение новых лошадей. Я должна попытаться: — Все равно, раз есть шанс договориться...

— Ты, я смотрю, девка, кровью горячая, да на язык смелая, — ухмыльнулся дед, — вот и наведалась бы к кузнецу эльфийскому, приценилась бы — глядишь, и уступил бы твоему напору.

— Лана! Лана! Сходи к эльфу, сходи! Поторгуйся, поймай кельпи! Сходи-сходи, поймай-поймай! — малышня тотчас подхватила стариковскую подначку и принялась меня дразнить. Ну, спасибо, дед, удружили!

Проще сказать, чем сделать, в Топях народу сгинуло столько, что счет давно потеряли. Малейшая оплошность и пиши пропало, трясина вмиг затянет. К тому же, где именно живет этот темный эльф? Может этот кузнец просто вымысел старого сказочника...

Несколько дней к ряду я бродила сама не своя. Мысли об эльфийском кузнецем намерто засели в голове, точно гвоздь. Ночью я не могла сомкнуть глаз, представляя, как уговариваю мастера выковать для меня уздечку, и какую цену он может запросить за услугу. Фантазии мчались табуном, одна ярче другой, — сердце ухало в груди, кровь окатывала вены жаром, будто и впрямь очутилась у пылающего горна и в теле отдаются удары тяжелого молота. Страшно... лесной народ людей не жалует, а уж темные и вовсе славятся дурным нравом, на одной тропинке лучше не встречаться. Но... отец сильно сдал с того дня, будто жизнь из него ушла — ест, пьет, ходит, да только прежней силы в нем нет, будто угасло внутри что-то. Если я поймаю кельпи и выиграю скачки, возможно, это взбодрит отца и вернет ему радость. Я решилась...

4.

До рассвета выскользнув из дома, я незаметно выбралась из поселения и, спустившись к реке, вдоль берега направилась к границе Дикой Топи. Дорогу я знала: сначала шла лесом, где было все знакомо с детства, а когда солнце почти достигло зенита, свернула с тропы и спустилась в низину. Дальше начинались болота. Земля была волглая, воздух тяжелый, над головой монотонно гудели тучи гнусов — здоровенных болотных комаров величиной с фалангу пальца. Стоит шагнуть в тень деревьев, сразу налетят кровопийцы. Присев на траву, я достала из сумки пахучую мазь и натерлась ею с ног до головы — теперь комары не тронут. Дальше нужно быть осторожнее, чтобы целой и невредимой пересечь Топь. Вдалеке, окутанная облаками маячила горная вершина, а где-то у подножья трудился в своей кузнице темный эльф. Идти через болота оказалось тяжелее, чем я представляла. Земля буквально уходила из-под ног. Щупая перед собой длинной палкой, я перебиралась с кочки на кочку, выбиваясь из сил. Казалось, что болоту нет конца. Несколько раз я поскользывалась, срываясь в воду, и в результате сильно вымокла. К счастью, уже к вечеру мне удалось выбраться на твердую землю. Нет, я не достигла окраины, но возможно, что завтра я завершу свой путь.

Разведя небольшой костерок, я постаралась согреться и просушить одежду. Эльфа я пока не нашла, зато пиявок насобирала щедро. Разобравшись с кровососами, наконец смогла поесть. В сумке лежали хлеб, немного сыра и вяленое мясо. Запив нехитрый ужин чистой водой из фляги я поплотнее закуталась в свой плащ и постаралась уснуть.

Сумерки сменила ночь. На небе мерцали звезды, скоро восход луны. Сон как рукой сняло. Болото пробудилось — отовсюду слышались шорохи, шелест, пронзительные вскрики невидимых птиц, чавканье, шлепки, бульканье, будто бормочет кто-то. Жуть, одним словом... Я боялась, что кто-нибудь может заметить мой костерок, но потушить огонь не решилась — остаться в темноте было еще страшнее.

Вдруг над водой показалась светящаяся точка. Болотный огонек? Хоть и говорят, что огонек может указать дорогу к сокрытому кладу, верить ему не стоит — наобещав златые горы, он заводит путника в трясину, обрекая на смерть. Тем временем огонек метался над болотом, будто убегая от кого-то, и приближался ко мне. Я, не раздумывая, укрылась за деревом и стала смотреть. Оказавшись рядом, светящийся комок, метнулся ко мне с пронзительным писком:

— Умоляю, спрячь меня, спрячь! Он же схватит меня, на кусочки порвет! Спрячь, не дай сгинуть!!! — над головой пронеслась большая тень, хлопнули крылья, зашуршали ветви. Огонек с воплем ринулся вниз и забился мне под подол, я шарахнулась, шлепнувшись на землю. Птица на ветке раздраженно вскрикнула, недовольная тем, что добыча ускользнула. Нужно ее прогнать, или этот мелкий поганец так и будет у меня под юбкой сидеть... а исподнего-то на мне нет, сельчанам такая роскошь не ведома. Вот ведь стыдобра-то...

Осмотревшись, насколько позволял свет от костра, я подобрала несколько комьев и начала швырять их в птицу. Вроде попала, пернатый хищник вскрикнул, сорвался с ветки и улетел в темноту.

— Эй, — позвала я, расправляя юбку, — вылезай уже, я прогнала птицу.

— Ах, радость-то, — отозвался из-под подола тоненький голос, и... между ног прижалось нечто пушистое и горячее, точно лапка кошачья потерлась.

— Ты... ты чеготворишь?! — я кинулась задирать подол, чтобы выловить нахала.

— Ты добрая, ты спасла меня, — огонек без зазрения совести продолжал теряться своим тельцем об мою киску, — я буду очень благодарным, тебе будет хорошо... — крохотные ручки уцепились за интимную шерстку и по секунду заплясал шустрый язычок.

— Ах, ты ж!... — я, уже не церемонясь, цапнула промеж ног, отрывая от себя бесстыжую малявку. — Куда это ты полез, охальник мелкотравчатый?! Тебе кто разрешал?!

— А разве для благодарности нужно разрешение? — он вдруг раскалился и я, вскрикнув, разжала руку. — Я лишь хотел приятно тебе сделать, но ты видно слишком гордая, чтобы принять ласку простого огонька. — По крайней мере, теперь, я смогла его рассмотреть: будто из белого мехового клубка на меня смотрели маленькие хитрюющие глазки, под которыми торчал впечатляющий нос; уши, как у летучей мыши, тонкие ручки и ножки, да светочек внутри — вот и вся его суть. В чем только душа держится, а туда же, развратничать.

— Если уж так не терпится благодарность выразить, лучше покажи дорогу к кузнецу эльфийскому.

— Кузнец? — встрепенулся огонек, откровенно сморщив свой носище. — Зачем тебе кузнец? Не ходи к нему, добра не будет.

— Может и не будет, — вздохнув, согласилась я, — да только без его мастерства мне не справиться.

— Что ж, будь по-твоему, идем, — хмыкнул огонек. — Коли не боишься, так и быть, провожу тебя к кузнице...

Чем я только думала, доверяясь этому поганцу?

5.

Огонек летел вперед, не давая отдохнуться. Луна уже высоко поднялась над деревьями, благодаря ее свету я могла хоть что-то разглядеть. Прыгая с кочки на кочку за своим проводником, я уходила все глубже в Топь. Судя по смеившемуся диску луны, мы шли уже несколько часов. Я откровенно валилась с ног от усталости:

— Подожди, дай дух перевести!

— Нужно спешить, — ответил огонек, — скоро рассвет, мне не выжить под солнцем. Осталось немного, прислушайся, слышишь? — У меня так стучало в висках, что я даже себя слышала с трудом. Но когда немного отдохнула и прислушалась, то мне показалось, будто где-то вдалеке я слышу стук молота о наковальню. Хотя... возможно мне это только мерещилось после долгого дня и бессонной ночи. — Отсюда недалеко...

Впереди плотно темнели деревья, похоже, там был твердый берег. Тень от стволов расползлась над болотом, приходилось быть крайне внимательной при выборе кочки. Впереди показался поросший травой островок — наконец-то, почти выбралась! Огонек улетел вперед, почти достигнув деревьев. Как следует примерившись к расстоянию, я прыгнула и — провалилась!..

Островок оказался обманкой, я погрузилась по грудь в болотную жижу и почувствовала, как меня мгновенно потянуло вниз. Вскрикнув, я пыталась ухватиться за траву, но стебли обрывались, оставаясь у меня в руках. Только без паники... нельзя поддаваться страху... нужно избавиться от сумки и постараться лечь плашмя, глядишь и выберусь...

— Не трудись, ты крепко увязла, — прозвучал над головой ехидный голос огоныка. — Говорил же тебе, что добра не будет. Не послушалась, получай по заслугам. Теперь навсегда в болоте останешься.

— Помоги! — меня тянуло вниз, зловонная жижа подступала к подбородку. — Если кузня рядом, хоть помочь приведи!..

— Зачем? — гаденько ухмыльнулся огонек. — Ты мной побрезговала, да все равно моей будешь, душа-то из болота уже не вырвется.

Я рванулась со всех сил, но тщетно. Мне удалось лишь ухватить последний вдох и меня поглотило болото. Сознание плыло, я погружалась в темноту... когда перед глазами вспыхнула грань небытия, левую руку вдруг ухватили огромные клещи и рывками потащили наверх...

Кто-то огромный выволок меня из трясины и тащил по земле. Боль в руке пульсировала, возвращая в сознание. Кое-как, я разлепила глаза. Ухватив зубами за плащ, меня тащил драгар — болотный ящер, который подобно гигантской цапле способен передвигаться по трясине на своих перепончатых лапах. Куда он меня волочит? Высотой с рослую лошадь, драгары — хищники, он запросто меня сожрет. Я пошевелилась, ящер остановился и сунул ко мне чешуйчатую морду. Я начала тихонько отползать от него, но не тут-то было, тварь цапнула меня за одежду и принялась трепать, как куклу. Тогда, я рванула застежку плаща и попросту позволила стащить с себя верх. Драгар с клекотом продолжал дербанить мои вещи, а я, улучив момент, спряталась за деревьями. Час от часу не легче, до рассвета еще далеко, а я осталась полуголая посреди Дикой Топи. Хоть жива, и на том спасибо. Тем временем, ящер похоже удовлетворился своей добычей и, мотая рогатой башкой, потрюхал с моей одеждой куда-то за деревья.

Плюхнувшись под деревом, я пыталась отдохнуть и вернуть ясность мыслям. Оставшаяся юбка была мокрая насекомь, обувь я потеряла в трясине... толи от предрассветной прохлады, толи от пережитого страха, меня начал бить озноб. Обхватив себя руками, я все же смогла подняться и прислушалась, но, сколько бы я ни старалась, ударов молота слышно не было. Будь ты проклят, огонек!..

Хижина должна быть где-то у подножья горы. Я побрела вперед, в том же направлении, куда умчался с моей одеждой драгар.

6.

Мои злоключения на этом не закончились... Я шла дальше в темноте, оглушенная усталостью и пережитым страхом. Меня продолжало знобить, зуб на зуб не попадал. Казалось, деревьям не будет конца, но вот впереди показался просвет, и во мне снова забрезжила надежда. Тут за спиной хрустнула ветка. Я вздрогнула и, обернувшись, увидела, что меня окружают какие-то

человекоподобные существа... — Болотники...

Страх будто кнутом подстегнул. Я со всех ног бросилась бежать к спасительному свету, болотники с визгом ринулись в погоню за своей жертвой. Их свора гнала меня, постепенно зажимая в клещи. Впереди виднелся край поляны, залитый серебристым светом заходящей луны. Оставалось всего два десятка шагов до заветной цели, когда сверху обрушилась смертоносная тень.

Меня сшибли с ног, отшвырнули в сторону. Уши резанул пронзительный вой болотников, перемежающийся звуками ударов и падающих тел. Приподнявшись, я разглядела лишь темный силуэт того, кто яростно разил моих преследователей, одним ударом проламывая тварям черепа. Голова кружилась, бой пульса в ушах заглушал все вокруг. Встать уже сил не хватало, я ползла, надеясь, что в пылу драки меня не заметят. Я ошиблась:

— А ну, стоять, падаль болотная! — прогремел жуткий окрик. Сильный удар под живот опрокинул на спину, от боли из глаз брызнул фейерверк. Придавив меня ногой так, что затрещали ребра, он занес для удара окровавленный молот. Взмах... — Сдохни!

— Пощади!!! — закрываясь, я заорала на пределе сдавленных его сапогом легких и сорвалась в темноту.

7.

Жарко... тяжко... не могу пошевелиться, тело будто свинцом разогретым налито. Где я? Пытаюсь открыть глаза, но все вокруг начинает кружиться так, что становится тошно. Плохая идея...

Я что-то слышу... голоса... они не далеко, совсем рядом. Разговаривают двое... мужчины... кто они?

— ... Ты зачастил ко мне Придворный Соловей, неужто госпожа и впрямь столь ненасытна, а?
— грудной, но такой едкий голос, пропитанный издевкой.

— Я лишь посланник, передающий пожелания клиента, — а у второго голос чистый, мелодичный, будто звон хрустальных колокольчиков. — Я не намерен обсуждать свою хозяйку, и уж тем более потчевать твои развратные помыслы!

— Да ладно, — начал подзуживать первый, — к чему такой официоз. Ты не в чертогах, а я не занудный вельможа. Расслабься... Что до угощения, то в прошлый раз ты оказался необычайно щедрым, — я с жаром в сердце вспоминаю трели страсти...

Лязгнул клинок, вырываясь из ножен:

— Заткнись, Лестар! Я совершил ошибку, поддавшись тебе!..

— Ошибка, друг мой, направлять мне в грудь клинок, что выкован вот этими руками. Мечи с моим клеймом не причинят создателю вреда...

— Ax!

— Вот видишь, ты обжегся.

— Он раскалился!

— А я всего лишь коснулся острия открытой кожей. Дай руку...

— Обойдусь.

— Дай, я сказал. Ожог может оставить неприятный след, тогда ты вряд ли останешься при венценосном теле.

Шаги... они идут сюда. Не стоит привлекать к себе внимание. Глухо хлопнула завеса. Вошли: один ступал уверенно, второй — поспешно.

— Что ты задумал, Лестар?

О дерево стукнула глиняная крынка.

— Я смажу твою руку медом, вот и все...

— Постой! Куда ты столько льешь?! Он же течет!... Лестар!!!

— Ум... а тебе идет быть сладким... — послышались смачное причмокивание.

— Хорош меня облизывать!... Ты чтотворишь?! Пуст... умф!

Да... что же это?... Они же там не?... Или... От догадки мое лицо залило краской, уши так просто раскалились. Чтобы два мужчины делали такое!..

— Аах! — шорох ткани, звуки поцелуев, страстный шелест дыхания. — Я... я не... ох! Я ненавижу тебя, темный! Уф!... Ха!..

— Хм, поешь о ненависти, а сам так нежно стонешь, — ухмыльнулся тот, чье имя было Лестар. — Я слышу между слов приятнейший подтекст — ты шастаешь ко мне не только ради исполнения монарших прихотей. Не приказы, а твоя блудливая натура толкает тебя из чертогов на просторы Дикой Топи.

— Замолчи! Ненавижу тебя, Лестар! Заткнись!... За... АХ! АААА!!!

— А я как будто верю тебе, Эльхан...

Неровное дыхание... чуть позже снова шорох, теперь уже поспешный, а после — звонкий шлепок оплеухи! Гость поспешил вышел, резко откинув тяжелую завесу.

— Я сообщу, как выполню заказ! — крикнул ему вдогонку Лестар, но тот его, похоже, уже не слышал — нервный лошадиный всхрап сменил удаляющийся дробный топот копыт. Хозяин ухмыльнулся: — Хех! Певчий-то он певчий, а рука все одно тяжелая, хоть и смазлив, как баба...

В этот момент, как назло, мою затекшую от неподвижного лежания ногу начало сводить судорогой и я непроизвольно охнула.

8.

— Ха, — протянул Лестар, приближаясь ко мне, — сдается, кто-то вовремя проснулся. — Из-за слабости я смогла лишь немного приподняться. Он присел передо мной на корточки, ухватил за подбородок и, приподняв голову, стал с интересом разглядывать лицо. — Ты ведь все слышала. Ну, что думаешь об этом? — ехидно спросил он.

Это странно!... Но вслух я ответила:

— В любом случае... меня это не касается, — я говорила медленно, стараясь рассмотреть хозяина дома. Он был внешне молод, и в тоже время чувствовалась зрелость. Черты его лица были прекрасны в своей резкости, темный разлет соболиных бровей, острый прищур миндалевидных глаз пронзal нас kvозь из-под сени опахал ресниц. Высоко собранные в хвост густые темные волосы ложились на широкие крепкие плечи и ниспадали к мускулистой груди, по которой к рукам расходились витиеватые узоры диковинной вязи. Подобный же орнамент оплетал запястья и вился выюном вверх по предплечьям. А еще у него была оливковая кожа и вызывающие острые кончики ушей. Передо мной определенно был не человек. — Спасибо, что спасли меня...

— Не стоит, — ухмыльнулся он, — мой ящер тебя за мертвчину принял. Вечно всяющую мерзость из болота тащит. Тряпки мне твои преподнес, идиотина, а потом и ты пожаловала, да еще болотников привела прямиком к дому.

— П... простите...

— Если бы ты не заорала, я бы и тебе башку проломил с ними за компанию. Так что считай, что тебе повезло.

— Да...

— О как, — Лестар продолжал разглядывать мое лицо, ухмыляясь каким-то своим мыслям, — и что такая покладистая барышня забыла на болоте?

— Я... — мне было крайне неуютно под его пронизывающим взглядом, — я ищу кузнеца... темного эльфа.

— Зачем?

— Уздечка, — проговорила я и в этот момент заглянула ему прямо в глаза, — мне нужна узда для поимки кельпи.

Он отпустил мой подбородок и насмешливо произнес:

— Ну, допустим, я выкую для тебя такую узду, — в следующий миг Лестар резко сдернул с меня покрывало, и я вдруг осознала, что лежу перед ним абсолютно нагая. — А чем ты за работу мне заплатишь? На тебе ведь и нитки не осталось.

Он поднялся и сделал шаг в сторону. Нельзя, нельзя дать ему уйти!

— Лестар, я умоляю! — бросившись к эльфу, я обхватила его колено, отчаянно прижавшись пылающим от лихорадки телом. — Прошу тебя, исполни мою просьбу! Я отработаю, я буду делать все, что ты прикажешь, я все умею!..

— Ой, ли? Так прямо и все? — он вдруг хищно взглянул на меня сверху вниз, и я невольно съежилась, встретившись с ним взглядом.

Но я должна заполучить эту узду, во что бы то ни стало.

— Лестар, я заклинаю!..

— Год, — перебил он меня. — Год у меня в услужении будешь. Всю работу по дому на себя возьмешь и, что бы ни сказал, безропотно выполнишь. Если хоть слово поперек скажешь, узды не получишь. Согласна?

— Скачки через два месяца, — сникла я, — у меня нет столько времени. Мне нужно поймать кельпи, чтобы победить, тогда бы отец смог приобрести хороших лошадей взамен погибших. Что же мне делать?! — глаза защипало, от бессилия потекли слезы.

— Утереть сопли и посмотреть правде в лицо, — эльф грубо ухватил меня за волосы, заставив сильно запрокинуть голову. — Ты едва не утонула, переходя болото. Соплячке вроде тебя не справиться с кельпи, пусть даже я и выкую узду. Я дам тебе одежду и лекарство. Иди домой. Мой ящер тебя вывезет из Топи... — рывком освободившись от меня, Лестар пошел к выходу.

— Пожалуйста, хотя бы дай мне шанс! — но я уже осталась в одиночестве.

9.

Темный эльф сдержал свое слово, снабдив меня одеждой и лекарством. Целебное питье избавило от жара, и след от зубов драгара на руке быстро заживал. Такими темпами, несговорчивый Лестар скоро выставит меня, отправив обратно домой. Нельзя этого допустить.

Я решила во что бы то ни стало доказать серьезность своих намерений. Не мытьем, так катаньем. Вода камень точит — пусть не сразу, я заставлю его изменить решение.

Дни напролет Лестар трудился в своей кузне. Я взяла на себя работу по хозяйству — готовила, убирала, стирала. Казалось, темный эльф меня в упор не замечает. Даже шастающий по двору ящер и то проявлял ко мне больше интереса. Рогатая тварюга открыла для себя в моем лице партнера по играм и начинала донимать, стоило мне выйти из дома. Драгар точно ворона подкрадывался сзади и, стоило мне зазеваться, хватал зубами за подол и дергал вверх! Словив пару раз в отместку корзиной по морде, рогатый надоеда стал действовать осторожнее, но

окончательно попыток так и не оставил.

Временами я задерживалась у открытого входа кузни и наблюдала за работой кузнеца. Хотя, правдивее сказать, я любовалась. В солнечных лучах, что проникали внутрь, густые темные волосы Лестара переливались красной медью и золотом. В процессе ковки, орнаменты, что оплетали мускулистую грудь и вились вдоль сильных рук, горели на влажной от пота коже раскаленным металлом, точно клейма. Он и вправду использует силу, ведь обычно рисунки на его теле черны как тушь. Лестар как лесной зверь — мощный и прекрасный в своей дикости, более того, он явно ядовит... Как же мне с ним справиться?

Ближе к вечеру, когда солнце уже спряталось за деревьями и стволы начал окутывать белесый туман, я в очередной раз залипла у входа в кузницу.

— Чего рот разинула? — эльф вперился в меня своим колючим взглядом. — Согрей воды, я вымыться хочу.

За кузницей под навесом стояла здоровенная бочка, которая использовалась для мытья. Когда я наполнила ее горячей водой, эльф разделся и забрался в нее. Взяв мочало, я подошла к бочке. Меня не остановили. Приблизившись вплотную, я опустила мочалку в горячую воду. Эльф снова смолчал, и я принялась растирать ему плечи и спину. Длинный подол мешал, поэтому я подоткнула его за пояс, прежде чем продолжить мытье. Руки, грудь, живот — я потерла везде, где смогла достать. Отложив мочалку, я уже собиралась уйти, как он перехватил мое запястье:

— А доделывать кто будет? Раз уж берешься, доводи до конца.

— Я дальше не достану, — возразила я, — не нырять же мне с головой в бочку!

Эльф ухмыльнулся и поднялся передо мной во весь рост:

— А так? Сдюжишь? — Мама дорогая, передо мной стоял абсолютно нагой мужчина!

Высокий, статный, с четким рельефом крепких мышц под мокрой оливковой кожей. От впадинки пупка вниз уходила дорожка темных волос, по которой сбегали водяные капли, уводя мой взгляд прямиком к восставшему мужскому древку. — Что застыла? Давай, продолжай. Вымой меня от макушки до пят. Там тоже не забудь, — хмыкнул он, перехватив мой взгляд. Делать нечего, я снова взялась за мочалку.

Нет, я и до этого видела голых мужчин. Селяне, не стыдясь, купаются в реке после работы в поле. Парни даже специально выставляются напоказ, чтобы девушки могли рассмотреть их стати. Но чтобы так близко!... Я продолжала тереть его по спине, спустилась на крепкие ягодицы, добралась до бедер. Взгляд то и дело цеплялся за набухшее мужское естество. Елки зеленые, не могу же я его просто так в руки взять?!

— Что-то ты самое интересное все стороной обходишь, — ехидно мурлыкнул эльф, — стесняешься или решила оставить себе на сладкое?

— Не... не выдумывай! — вспыхнула я.

— Тогда в чем проблема? — цапнув меня за руку, он прижал мою ладонь к вздыбившемуся члену. — Давай, потрогай, ты же с него глаз не сводишь!

— Пусти! — шарахнулась я, но он перехватил меня и дернул на себя. Крепко обхватил за пояс, рванул. Я оказалась в бочке, зажатая тисками сильных рук. — Пусти! Не трогай!

— А то ты не знала, чем дело кончится, когда с мочалкой ко мне шла! — в раскосых глазах Лестара хищно полыхало. — Чего теперь артачишься?!

Продолжая удерживать меня одной рукой, эльф, не церемонясь, полез мне под намокший подол. Я брыкалась, упиралась, вырывалась все время, пока его рука скользила вверх по

моему бедру и заднице. Пальцы крепко ухватили за ягодицу, потискали, после чего соскользнули в раскол и ткнулись в...

— Мама!!! — я аж взвизгнула, выгнувшись дугой в его руках. — Мамочка!!! Нет! Только не туда!!!

Эльф замер, но хватки не ослабил. Пристально всмотревшись в мое побелевшее от страха лицо, Лестар довольно хмыкнул:

— Вот так удача, неужто и впрямь целочка попалась? Признайся, ты уже была с мужчиной?

— Н... нет! — я замотала головой.

— Совсем-совсем? Рукой не ублажала, ртом не баловала?

— Ни разу! — я чуть не плакала от страха.

— Вот как? Хочешь сказать и в зад тебя никто?..

— Ииииить!!!

— Понятно, — Лестар рассмеялся. — Что ж, это хорошо, — мурлыкнул он, — мне на руку то, что ты девица. — Он отпустил меня и выбрался из бочки. — Вымойся и жди в доме, я скоро вернусь.

Он явно что-то задумал. Лестар не остановится, мне нужно бежать. Но тогда я упущу возможность получить уздечку и все мои старания пойдут коту под хвост. В ведре осталась чистая вода. Хоть остывшая она еще сгодиться для помывки.

10.

Когда Лестар вернулся, я уже ждала его в доме. Голый до пояса, лишь в холщевых штанах, и босой. Он выставил на стол пару глиняных бутылей и положил рядом с ними какой-то сверток. Бросив на пол рядом с горящим очагом волчью шкуру, темный эльф обернулся ко мне:

— Рад, что ты не сбежала, — ухмыльнулся он. — Было бы крайне прискорбно упустить такую возможность. Хотя, куда тебе деваться? Скоро ночь, а блуждать впотьмах по Дикой Топи равно самоубийству.

— Ты... ты намерен сделать это со мной? — неуверенно спросила я.

— Я не хочу просто развлечься, — ухмыльнулся Лестар. — Если возьму тебя силой, удовольствия немногого, а пользы еще меньше. Я предлагаю тебе сделку.

— Сделку? — не поняла я. О чем он говорит? О том, что ждет девушку, впервые познавшую мужчину, я слышала от матушки и замужних подруг. — Чего ты хочешь?

— Ты говорила, что тебе нужна уздечка для поимки кельпи ко времени сбора урожая, не так ли? Я сокращу твою отработку и выкую узду к этому сроку при условии, если сейчас ты отдашь мне свою девственность — добровольно и с удовольствием.

— Зачем тебе это? — Лестар сказал правду, бежать мне действительно некуда, если он хочет взять меня, то зачем изобретает условности? Я не смогу ему сопротивляться, эльф гораздо быстрее и сильнее меня.

Он хмыкнул:

— Узнаешь, когда разденешься.

Когда я лишь собиралась на поиски этого эльфа, то и подумать не могла, что окажусь перед подобным выбором. Если соглашусь, получу шанс поймать кельпи и участвовать в скачках. С наградой мы сможем купить новых лошадей. Но... порченная девка — позор семьи. Никто не захочет брать в жены ту, что путалась с нелюдем. С другой стороны, сколько девиц перепортили княжеские сборщики налога, но годное приданое надежно закрывало всем глаза

на этот недостаток.

— Ну, так что? — Лестар выжидающе смотрел на меня. — Согласна? Или год батрачить на меня будешь?

— Я... — в горле встал комок, пришлось сглотнуть. — Я согласна. Только... только я не знаю...

— О, не беспокойся, — мурлыкнул Лестар. — Я позабочусь обо всем. Сама рубаху снимешь или мне помочь?

— С... сама...

Встав на шкуру, я отвернулась к очагу и неуклюже стащила через голову одежду. Как же стыдно стоять перед ним совсем нагой! Лестар подошел сзади и забрал у меня рубаху, чтобы я больше не смогла прикрыться.

— Вот, — эльф вручил мне глиняную кружку, — выпей все. Совсем немного времени пройдет, ты позабудешь о стыде. Я поднесла ко рту питье и лишь попробовала:

— Горько!

— Дрянь несусветная поэтому пей залпом, — ослабился Лестар, — потом заешь. Поверь, эффект терпения стоит. — Зажмурившись и задержав дыхание, я через силу осушила кружку. От горечи аж слезы навернулись. — Вот, умничка, держи свою награду, — мне в рот сунули кусочек медовой груши. Кисло-сладкий вкус на удивление быстро сбил горечь, хоть мне казалось, что эту отраву ничем не смоешь.

Эльф принял что-то разворачивать на столе, встав ко мне спиной, а я в ожидании опустилась на пушистый волчий мех. Мое сердце отчего-то стало гулко биться о грудину. Ощущения были такими!..

— Это. Мой. Язык. — Эльф откровенно терял терпение. — Прекрати уже нести свою стыдливую чушь и займись делом свой. В противном случае...

— Ай!!! — в мою писю впились зубы!

Он хочет, чтобы я тоже лизала ему. Язык Лестара такой бесстыдный — влажный кончик оглаживает и треплет плотные лепестки губок, очерчивает растянутый пестом вход, щекочет секиль. Я обхватила пальцами его член и начала облизывать — сначала ствол, потом головку. Самым ошеломляющим было то, что мне не было противно то, чем я занимаюсь, хотя такими развлечениями ни одна из моих замужних подруг не хвасталась. А уж про игрушки, чтоб девке туда совать наш местный коваль уж точно ни сном ни духом!

— Эй, — голос Лестара прервал мои непотребные размышления, — возьми его и пососи. — Я аккуратно направила в рот головку. Сосать — просто как палец? — Глубже, — послышался голос эльфа, — двигай головой, ласкай его весь и про язык не забывай. — Я повиновалась. Отвердевшая плоть сновала сквозь скользкое от слюны кольцо моих губ, норовя отереться о язык и боднуть в нёбо. Лестар продолжал дразнить меня ртом — вылизывал и посасывал чувствительный похотник. В низу живота томило и пульсировало. Все происходящее захватывало настолько, что казалось чем-то нереальным. Так приятно, когда там касается мужчина! Хочется еще, хочется чего-то большего!... Игрушка вдруг поползла из меня, а потом снова ухнула в щелку.

— Умф! — толчок так сладко отдался в теле, что я инстинктивно заюлила задом навстречу песту. Рот стал настолько чувствительным, что мужская плоть на языке стала настоящим источником блаженства.

— Кажется, кто-то расprobовал на вкус плотские утехи, — хихикнул эльф, продолжая двигать во мне игрушку. Его язык без устали домогался щелки, а пальцы растягивали вход и

ритмично толкали внутри гладко отполированное металлическое орудие. Постепенно он начал ускоряться, и я бессознательно подхватила его темп. Мои губы и язык уже немели от напряжения, но остановиться я была уже не в состоянии. Вагину сношал бешено пульсирующий металл, нагретый моим же собственным похотливым жаром. Я остервенело сосала и подмахивала, стараясь насадиться глубже, чтобы утолить разгоревшийся внутри охочий зуд. Все желания и мысли слились в единый порыв. Вдруг свербящие мышцы там будто раздались до предела...

— Мфх! — Боги, как же это сладк... — ОOOOO!!! — Пульсирующая судорога накрепко скрутила и задергала, топя с головой в пьянящей эйфории. Вязкая терпкость плеснулась в рот, добавив остроты ощущениям. Мамочка, хорошо-то как!... Сил нет, умираю...

11.

— Ты с дуба рухнул, Лестар?!? Мы уже договорились о цене, с чего вдруг ты решил ее задрать?! — этот голос я уже слышала. Тот мужчина, что наградил Лестара пощечиной за домогательства в прошлый раз.

— То о чем мы договаривались, ни в какое сравнение не идет с тем, что я предлагаю сейчас, — голос темного эльфа звучал весьма самодовольно. — Ты же знаешь, Эльхан, пробужденный металл опоенный кровью стоит дороже мертвый железки. Уверен, что твоей блудливой венценосной госпоже больше придется по нраву игрушка, принявшая за эталон первый экстаз девственницы, чем просто бездушный самотык.

— Девственницы? — звонкий голос Эльхана отчетливо окрасился издевкой. — Где ты ее взял на своем болоте?! Ты уже давно перепортил в Топях все что движется!

— И все же, удача была ко мне благосклонна, — мурлыкнул Лестар, — именно поэтому я называю тебе истинную стоимость товара.

После того, что случилось, я чувствовала слабость, но любопытство взяло верх. Закутавшись в шкуру, я подкралась к выходу и осторожно выглянула на улицу. Лестар стоял посреди двора спиной к дому, а напротив него бесновался светлый эльф. Такой красивый — аж дух захватило! Кожа — нежный сатин цвета слоновой кости; волосы — отливающий на солнце жемчугом льняной каскад; раскосые глаза мечут в Лестара сапфировые молнии из-под пушистых опахал ресниц. Гибкий точно ива, статный, эльфийский певчий был прекрасен даже с искаженным от ярости лицом. Голос Эльхана звенел металлом:

— Твоя цена заоблачна! — на аристократичных высоких скулах Придворного Соловья полыхал румянец гнева. — Ты же прекрасно знаешь, что таких денег мне не достать.

— Что делать? — притворно вздохнул Лестар. — Навязывать тебе столь дорогой товар я не могу. Раз фаворит Владычицы Светлых Чертогов издержался, придется предложить игрушку кому-нибудь еще. Думаю, какой-нибудь купец опорожнит мошну, чтобы потом перепродать пест скучающим в гаремах прелестницам. Южанки искушены и ценят удовольствия.

— Ты предлагаешь мне вернуться к Владычице несолено хлебавши?!

— Конечно нет, я дам тебе игрушку, — Лестар ухмыльнулся и уточнил, — попроще. Вот только, что будет, если твоя венценосная патронесса узнает, что ты не разбился в лепешку и проворонил вожделенный ею артефакт? Положение фаворита королевы весьма зыбко. Что-то мне подсказывает, что быстро найдутся доброхоты, которые нашепчут Ее Величеству на ушко о твоем провале.

— Покажи, — потребовал Эльхан.

— Товар? — не понял Лестар.

— Нет, девку, — рыкнул певчий.

— Полезешь ей под подол проверять правдивость моих слов? — ухмыльнулся Лестар. — Ты же знаешь, я всегда называю истинную стоимость.

— Не полезу, — Эльхан досадливо цыкнул, — но хочу увидеть, чьей сломанной целке буду обязан своим унижением.